

Николай Добролюбов

**Путешествие по
Североамериканским штатам,
Канаде и...**

Николай Александрович Добролюбов

Путешествие по Североамериканским штатам, Канаде и острову Кубе Александра Лакиера

Русский историк, правовед, общественный деятель А. В. Лакиер в 1856–1858 гг. путешествовал по Западной Европе, Северной Америке и Палестине. Отрывки из своих путевых заметок он печатал в «Современнике», «Отечественных записках» и «Русском вестнике». Рецензируемая Добролюбовым книга Лакиера не была первым русским описанием Америки, но, как отмечал рецензент «Отечественных записок», она стала первым описанием, основанным не на беглом взгляде туриста, а на стремлении изучить страну, и в частности, ее государственное устройство. Статья Добролюбова об этой книге переросла рамки рецензии. Дополненная материалом из других иностранных источников, она вошла в обсуждение «американского» вопроса в русской публицистике.

Содержание

#1	0005
Примечания	0062

**Николай Александрович
Добролюбов
Путешествие по
Североамериканским штатам,
Канаде и острову Кубе
Александра Лакиера**

СПб., 1859. Два тома.

«Американцы – народ очень практиче-
ский; деньги для них – все».

«Америка – страна купцов, страна матери-
альных удобств жизни».

«Америка имеет демократические учре-
ждения и предоставляет в жизни полную сво-
боду каждой личности, не исключая жен-
щин».

«В Америке есть важный жизненный во-
прос – о невольничестве».

Вот, кажется, весь обиход стереотипных
фраз об Америке, обращающихся в большин-
стве нашей публики. Некоторые знают по-
больше, некоторые поменьше; но редко кто
имеет основательные и подробные познания
относительно американских нравов и учре-
ждений. Большого частью полагают, что это
та же Англия, только уже до крайности прак-
тическая и материальная. Вот и все. А между
тем мы и Англию-то знаем далеко не вполне;
и об Англии часто слышатся у нас толки
вкривь и вкось. Но английские учреждения
все-таки в значительной степени разъяснены
для нашей публики благодаря «Русскому вест-
нику»;{1} нравы англичан также довольно из-

вестны нам – по множеству переведенных у нас нравоописательных очерков и романов лучших английских писателей. Относительно же Америки и этого нет. Были когда-то у нас в славе романы Купера, потом рассказы Герштеккера;^{2} но и те и другие знакомили более с природою страны, нежели в гражданской жизнью ее обитателей. В недавнее время произведения г-жи Бичер-Стоу раскрыли нам одну из сторон быта Северной Америки.^{3} А затем остается лишь несколько коротких, отрывочных заметок, время от времени помещавшихся в наших журналах. Вследствие такой бедности знаний в нашей литературе постоянно раздавались самые разноречивые и часто очень забавные суждения об Америке. Одни, например, уподобляли Североамериканские Штаты России;^{4} другие, напротив, утверждали, что в них господствует гнусная анархия.^{5} Одни восхищались их образованностью; другие бранили их за постыдное невежество во всех вопросах искусства, поэзии и высшей философии.^{6} Одни уверяли, что женщины там поставлены очень хорошо, веселятся и вполне пользуются своими

человеческими правами;{7} другие изображали американок несчастными, сухими и безжизненными существами, подобными счетной машине.{8} Относительно частных вопросов разногласие было бы, конечно, еще резче; но их, к сожалению, почти никто и не касался.

При таком положении наших знаний о Северной Америке книга г. Лакиера составляет приятное явление в нашей литературе. Наши читатели, вероятно, знакомы уже с характером этой книги по двум большим отрывкам из нее, помещенным в «Современнике» прошлого года.{9} На этом основании мы не считаем нужным слишком распространяться о достоинствах и недостатках «Путешествия» г. Лакиера и ограничимся лишь несколькими краткими замечаниями о его содержании. В коротеньком предисловии г. Лакиер говорит, что «главную его заботу было изучить учреждения и познакомиться с внутренним бытом страны и общества». Сообщая плоды своего изучения читателям, г. Лакиер идет путем систематических, деловых обзоров. Прежде всего он дает «Очерк истории коло-

ний в Новом Свете», потом излагает конституцию Соединенных Штатов, затем уже изображает Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимору и пр. Но и в этих частных описаниях г. Лакиер не вдается в беглые путевые заметки, а наполняет большую часть страниц подробностями, заимствованными из официальных источников. В Бостоне, например, его заняли школы, и он подробно передает сведения о том, на какие доходы содержатся школы, какие разряды их существуют, как они управляются, сколько в них детей, какие часы назначены для ученья, какие именно предметы и в каком размере преподаются, какое жалованье получают учителя и т. д. Точно так же подробно, систематически рассматривает г. Лакиер вопросы о судопроизводстве, о тюрьмах, о торговле и пр. Этого, разумеется, нельзя вменить в вину автору: способ изложения зависит от взгляда автора на задачу своего труда. Но можно опасаться, что форма заметок г. Лакиера покажется несколько утомительною многим из его читателей, которым нужны еще не подробности частных фактов, а общий очерк учреждений и быта

страны. В предисловии своем г. Лакиер признается, что придает значение своему «Путешествию» только как «первому у нас описанию Америки». В этом смысле его сочинение действительно заслуживает внимания, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, не имеющему возможности познакомиться с Америкой из иностранных источников. Но справедливость требует сказать, что в книге г. Лакиера постоянно замечается весьма важный недостаток – отсутствие личной наблюдательности автора. Все, что он говорит от себя, ограничивается тем, что он ехал отсюда, туда, по такому пути, останавливался там-то. К этому нередко прибавляются описания пароходов, вагонов, улиц, гостиниц, замечательных зданий или памятников и т. д. А чуть дело коснется жизни, быта, – автор немедленно сообщает вам положительные, официальные данные. Вы хотите знать, как в Америке люди живут, торгуют, судятся, учатся, – г. Лакиер удовлетворяет ваше желание, сообщая вам перечень судебных должностей, разных школ, цифры привоза и вывоза товаров, число решенных дел и т. п. Таким обра-

зом, живая сторона быта скрывается за формальными ее проявлениями, занесенными в книжки, газеты, отчеты и пр. Именно вследствие этого качества книги мы полагаем, что кто читал хоть только два сочинения об Америке – Токвиля и Фребеля,^{10} – тот не много потеряет, если не станет читать «Путешествия» г. Лакиера. Скажем больше: из читающих по-французски даже кто не захочет сидеть над серьезными и дельными произведениями, вроде названных нами книг, и тот может обойтись без книги г. Лакиера, взявши для общего знакомства с Америкой какие-нибудь первые попавшиеся французские книжки, вроде, например, хоть Ксавье Эйма, Оскара Кометтана и т. п.^{11} В них, разумеется, более общих фраз и игривых анекдотов, ничего не доказывающих, нежели деловых и официальных замечаний. Но зато у них более легкости и живости, более сноровки в общих очерках, более умения группировать свои заметки так, чтобы они оставляли то общее впечатление, какое автору хотелось произвести, и в то же время не были обременительны для читателя. Очевидно, что наша публика, читающая

по-французски, обратится скорее к этим легким заметкам, нежели к дельной книге г. Лакиера. Читая его «Путешествия», надобно вникать в цифры, соображать частные факты, самому нужно выводить общие результаты и составлять цельный очерк из материалов, излагаемых в его книге. Не гораздо ли удобнее иметь дело с автором, который, как говорится, все в рот кладет своим читателям? Не легче ли пробежать французский очерк Североамериканских Штатов, набросанный, например, в таком роде:

С одного конца до другого Соединенные Штаты прорезаны железными дорогами; одно уже это не внушает ли вам мысли о процветании промышленности в этой стране?

Реки и озера Америки покрыты бесчисленным множеством пароходов, американские корабли в огромном числе разгуливают по всем морям земного шара; не показывает ли это, как значительна их торговля?

Дома американцев отлично устроены и убраны; не наводит ли это вас на мысль о богатстве обитателей стра-

ны?

Великолепие общественных учреждений, составляющих гордость Союза и предмет удивления для иностранцев, — не доказывает ли общего доверия к прочности государственного устройства?

Множество театров, бездна удовольствий всякого рода, в которых кружится этот народ, по наружности столь степенный, беспрерывно возрастающее количество журналов, охота (если не разумная любовь) к искусствам, обнаруживаемая в этой стране, процветание литературных обществ, серьезное развитие наук — не свидетельствуют ли в пользу американских учреждений, не доказывают ли, что под их покровом все может успевать, расти, процветать, — пока и в правительстве и в народе сохраняется ясное сознание своих прав и обязанностей в отношении друг к другу?

Да, в этом не может быть сомнения; только нужно, чтобы в обществе заключались те основные начала, которые одни служат залогом жизнестойкости учреждений, подобных тем, при

каких процветает Американский Союз.

Первые колонисты, образовавшие в Америке общество, принесли с собою начала нравственности, религии, разумности и упорной энергии в стремлении к достижению своих целей. Они проникнуты были презрением к заблуждениям старого мира, который оставили, и мыслью о великой будущности, какую они должны были приготовить себе в Новом Свете. С такими идеями и средствами приступили они к делу своего общественного устройства и составили учреждения, которые, в свою очередь, помогли дальнейшим успехам их развития.

В настоящее время – образование развито повсюду в Соединенных Штатах, и его первое благодеяние состоит в том, что оно предохраняет от тех заблуждений, которые так часты и легки при демократическом устройстве государства. В Северной Америке мудрено обольстить целую массу народа какими-нибудь вздорными обещаниями и теориями; мудрено обмануть общественное мнение насчет государ-

ственной деятельности частных лиц. Каждый гражданин понимает там свои обязанности и свои права, каждый знает свое значение в общей массе народных сил. В то же время каждый очень хорошо понимает, как вредят благоденствию общества всякие беспорядки и волнения, и потому всеми силами старается устранять и предупреждать всякий повод к ним.

В Соединенных Штатах дела не терпят медленности, редко что-нибудь делается там вполсилы, никакое предприятие не бросается незаконченным. Делая первый шаг, американец знает, к какой именно цели приведет этот шаг, и он не остановится на пути, пока не достигнет цели. И никто не захочет там останавливать этого шествия; всякий сам занят, и притом всякий сознает, что каждый шаг вперед каждого члена общества принесет общую пользу, а всякая частная остановка действует невыгодно и на общее благосостояние.

Если же в этой стране является какая-нибудь великая, благотворная для общества мысль, – она мгновенно

овладевает всеми умами, с необыкновенной быстротой приобретает всеобщую симпатию; тысячи рук тотчас являются для ее осуществления, но ни одна не подыметя для того, чтобы помешать ее развитию. Явится ли она в союзном конгрессе или зародится в голове самого темного гражданина – все равно: она повсюду найдет себе равную поддержку, без различия лиц и партий.

При таком течении общественных и частных дел участие людей, даже поставленных в самые неблагоприятные обстоятельства, постоянно улучшается совершенно естественно и без всяких потрясений. Здесь бедным не нужно стараться погубить богатых для того, чтобы самим обогатиться. Насильственные меры здесь не нужны, потому что люди, более имеющие средств и выше поставленные, считают своею обязанностью – не противодействовать общему движению, а, напротив, сколько можно ему способствовать. Поэтому на всем пространстве Соединенных Штатов вы никогда не встретите тайных заговоров, име-

ющих в виду ниспровержение общественного порядка и безопасности частных лиц; напротив, во всех концах этой огромной страны вы находите могущественные ассоциации, имеющие целью возвышение частной производительности и распространение начал нравственности, порядка и любви к труду. Всякий гражданин принимает там общее благо столько же близко к своему сердцу, как и свое собственное. Отсюда происходит в Соединенных Штатах совершенная ненужность многих чиновничьих и полицейских должностей, которые кажутся необходимыми в Европе. Такому ходу дел благоприятствуют многие условия, свойственные исключительно Северной Америке.

Начнем с того, что здесь всякий здоровый, неглупый и неленивый человек всегда находит себе множество средств и материалов, если только хочет приняться за работу. Притом же труд, каков бы он ни был, пользуется здесь общим уважением, и уже это одно предохраняет работника от увлечения какой-нибудь другой карьерой.

Смело, прямо и твердо может он идти по дороге труда, в уверенности, что она приведет его к достатку, а может быть, и к богатству. Кроме того, при общественном устройстве Соединенных Штатов самый простой расчет заставляет людей быть честными и не посягать на нарушение общественного и частного спокойствия. Здесь общество настолько образованно, что умеет ценить людей по их настоящему достоинству и вместе с тем умеет правильно понимать свое собственное благо. Поэтому популярность и авторитет в американском обществе могут доставаться только на долю тех, кто действительно желает общего блага и умеет доказать благодетельность своих стремлений и действий.

Уважая труд, ставя его выше всего, преклоняясь только пред ним, американец презирает все другие привилегии, которыми так дорожат в Европе. Громкие имена, почетные титулы, общественное положение не дают человеку в Америке никаких личных преимуществ. Там ценят человека толь-

ко по тому, как он работает и что умеет приобрести своим трудом. Ясно, что при таких понятиях общества деятельность частных лиц должна быть направляема совершенно иначе и давать другие результаты, нежели у нас в Европе.

Нельзя, конечно, безусловно превозносить Америку, нельзя видеть в ней одни только совершенства. Напротив, в ее устройстве и быте можно находить свои недостатки, и даже весьма важные; но недостатки эти не могут помрачить тех прекрасных качеств, которые составляют неотъемлемые черты Североамериканского Союза и в которых заключается тайна его величия. Эти качества: разумное спокойствие в строгом соблюдении прав и обязанностей каждого, практичность в применении общих идей, стремление к развитию материального благосостояния народа и благородный патриотизм, заставляющий каждого гражданина забывать свой собственный интерес в виду интересов общественных.

Мы не ставим высоко этого очерка, заимствованного нами из книги г. Эйма. Мы гото-

вы признаться, что он весь состоит из общих мест, и, кроме того, – он довольно односторонен... Но нельзя не согласиться в одном, что его можно прочитать без утомления. А между тем он все таки *вводит* вас в Америку и дает некоторое, хотя поверхностное, понятие об ее общественном устройстве даже такому читателю, который знает об Америке только то, что написано в географии Ободовского.{12}

Книга г. Лакиера, без всякого сомнения, будет полезнее таких легких и поверхностных заметок для тех читателей, которые захотят вникнуть в цифры и факты, в ней излагаемые. Но, как мы уже сказали, мы именно того и боимся, что в русской публике не много найдется читателей столь трудолюбивых. Мы думаем, что «Путешествие» г. Лакиера имело бы более успеха, если бы он менее увлекался систематичностью изложения, более давал простора своим личным впечатлениям и более обращал внимания на живые и современные вопросы. Так, например, из «Путешествия» г. Лакиера видно, что он был в Нью-Йорке около осени 1857 года, в самый разгар промышленного кризиса.{13} Ход торговых

операций неизбежно должен был отразиться на всей физиономии общества в этом городе, одном из главных центров промышленного движения в Америке. Наблюдение над нравами жителей в это время, изложение их взгляда на дело – могли бы дать много интереснейших страниц для книги г. Лакиера; между тем у него о кризисе находим всего две страницы, да и в них о самом кризисе говорится только мимоходом, по поводу устройства банков в Нью-Йоркском штате. Точно так, говоря о кораблестроении в Соединенных Штатах, г. Лакиер перечисляет количество судов, построенных в Нью-Йорке, вкратце излагает ход работ при постройке судов, но ни слова не говорит о той, полной драматизма, борьбе, какую в кораблестроительной деятельности североамериканцы выдерживали, и еще доселе выдерживают, с англичанами. Даже вопрос о невольничестве, самый важный и живой из всех вопросов не только Северной Америки, но, может быть, и всего образованного мира, изложен у г. Лакиера далеко не так полно и обстоятельно, как это было бы нужно для русских читателей. Недостаток внимания к это-

му предмету тем менее извинителен нашему путешественнику, что в самое время его пребывания в Америке происходили там горячие прения о невольничестве по поводу Канзаса... {14}

Указывая на эти примеры, мы вовсе не хотим сказать, чтобы книга г. Лакиера лишена была интереса для русской публики. Напротив, мы убеждены, что читатели найдут в ней очень много нового и любопытного. Мы хотели только заметить, что напрасно г. Лакиер, желая познакомить русскую публику с Америкой, мало позаботился о внешней занимательности своего «Путешествия». Для людей серьезных, следящих за политической литературой, подробности, приводимые нашим путешественником, давно знакомы и не нужны. Без всякого сомнения, таких людей и не имел в виду г. Лакиер, описывая свое путешествие. Для обыкновенных же читателей, ничего не знающих об Америке, все эти частности фактов, цифры и извлечения из отчетов – во-первых, скучны, а во-вторых, ни к чему не поведут, потому что они все-таки неполны и отрывочны. Впрочем, может быть, новость

предмета и дельность книги г. Лакиера придадут ей в глазах читателей занимательность, которую не вполне дает ей авторское изложение. Мы, с своей стороны, будем очень рады, если «Путешествие по Америке» встретит сочувствие публики.

Но пока еще сочинение г. Лакиера не разошлось в публике и не распространило в большинстве читателей ясных и здравых понятий об Америке, мы считаем нелишним представить здесь кстати небольшой очерк учреждений и быта Северной Америки. Мы оставим в стороне Кубу и Канаду, тем более что о них не много говорится и в «Путешествии» г. Лакиера, и обратим исключительное внимание на Североамериканские Штаты. Мы не будем подробно излагать их историю, не будем входить в мелкие частности их учреждений, разбирать оттенки их политических партий, не будем прибегать к цифрам и выкладкам: все это может войти в особенные статьи, специально посвященные рассмотрению того или другого вопроса из истории и быта Северной Америки. Мы ограничимся только самым общим и самым легким очерком внутреннего

устройства Североамериканских Штатов, с целью показать влияние их учреждений на быт народа. В этом очерке мы будем отчасти пользоваться книгою г. Лакиера, иногда же будем дополнять его сведениями из других иностранных источников.

* * *

Демократический характер учреждений Северной Америки не раз был предметом жарких прений в Западной Европе. Еще недавно спорили об этом в самой Англии; одни приписывали демократическому образу правления в Америке небывалые выгоды, другие старались представить его гибельным для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось страшно. {15} Конечно, в Англии подобные споры об Америке могут иметь свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую неприязнь, обе страны имеют между собою много общего, и для обеих очень возможны полезные заимствования друг от друга. Но для нас эти споры совершенно чужды. И от Соединенных Штатов и от Англии нас отделяют обширные пространства

морей; наши нравы и обычаи, весь наш общественный быт сложились совсем под другими условиями, наши интересы направлены совершенно иным образом, и, конечно, для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что составляет жизненный вопрос по ту сторону океана. Поэтому мы не станем попусту тратить время на бесплодные и напрасные рассуждения о выгодах и невыгодах демократии и ограничимся спокойным и беспристрастным изложением того, как она выразилась в учреждениях Соединенных Штатов и что успела произвести в этой стране.

Начала американской демократии нужно искать в исторических обстоятельствах, под влиянием которых сложились политические убеждения первых ее поселенцев; для этого нужно обратиться на минуту к истории Старого Света.

Много раз уже высказано было замечание, что весь ход истории представляет постепенное уяснение прав личности и освобождение людей от ложных авторитетов, создаваемых суеверием и невежеством. История Европы в средние века служит одним из самых ясных

подтверждений этой мысли. Постепенное уничтожение авторитета пап, падение феодальной системы, усиление городских общин, возникновение парламентов – все эти явления средневековой истории прямо вели к ослаблению аристократических принципов и расширению человеческих прав личности. В эпоху Реформации личность уже ясно заявила свои права: в деле религии разум потребовал свободы в объяснении священного писания, во взаимных отношениях захотели более прочных гарантий, перестали доверяться произволу отдельных лиц и требовали определенных законов для общественной и частной деятельности. Эти явления, общие всей Европе XV и XVI века, с особенною силою развились в Англии, из которой и вышли первые поселенцы Северной Америки. Политическое образование народа в Англии было уже и в это время гораздо выше, чем в других странах Европы. Вековая борьба партий беспрерывно привлекала участие значительного числа граждан в политических событиях их отечества, и при этом естественно уяснялись у них понятия о праве и законности и развивалась

потребность истинной свободы. Коммунальное устройство, глубоко уже проникшее в нравы англичан, поддерживало в народе сознание его силы; а религиозные секты, вызывая общество на серьезное обсуждение высших духовных вопросов, довершали его нравственное образование. Последователи одной из самых строгих и чистых по нравственности сект в начале XVII века положили основание колониям Новой Англии. [1] Это были пуритане{16}, удалившиеся из отечества вследствие религиозных стеснений, которым они подвергались там при Стюартах. При самом переселении они сознательно определили свою цель и образ действий, которым намерены были следовать. Памятником их решения остался акт, составленный ими немедленно по прибытии на берега Америки и приводимый, между прочим, у г. Лакиера. Вот этот акт: {17}

Мы, нижеподписавшиеся, предприняв для славы божией, распространения христианства, чести нашего короля и отечества путешествие, для того чтобы основать первое поселение в се-

верной части Виргинии, торжественно, в присутствии бога и друг пред другом, объявляем, что мы соединяемся в политическое и гражданское тело для сохранения между собою доброго порядка и достижения предположенной цели. Вследствие настоящего договора мы вводим у себя такие законы, такие установления и учреждения, такие должностные лица, какие будут для нас необходимы и полезны для блага целой колонии. Им мы обещаем полную покорность и совершенное повиновение. От р. Хр. 1620 года, 11 ноября.

В дополнение к этому акту можно представить несколько строк из книги Метера,{18} излагающих причины переселения пуритан из Англии:

Страна, где мы живем (говорят переселенцы), кажется, тяготится своими обитателями; человек, благороднейшее из творений, ценится здесь меньше, чем земля, которую он попирает ногами. На детей, на соседей, на друзей смотрят как на тяжкое бремя; от бедняка бегут; все отвергают то, что должно было бы приносить

величайшее в мире наслаждение, если бы естественный порядок вещей не был нарушен. Страсти наши дошли до того, что уже нет такого достатка, при котором бы, человек в состоянии был поддерживать свое достоинство в кругу свое равных; а между тем кто не может успеть в этом, тот подвергается презрению, а отсюда происходит то, что во всех отраслях деятельности люди стараются обогатиться непозволительными средствами, и честным людям стало очень трудно жить в довольстве и без позора. Школы, в которых обучают наукам и религии, так развращены, что большая часть детей и нередко самые отличные из них, подававшие самые лучшие надежды, оказываются совершенно испорченными от множества худых примеров и от распушенности нравов, среди которых они живут. Между тем вся земля не есть ли достояние господне? Не отдал ли ее бог потомкам Адама для возделывания? Зачем же нам умирать с голоду за недостатком места, между тем как обширные страны, равно принадлежащие всяко-

му человеку, остаются необитаемыми и невозделанными?

Таким образом, мысль о переселении прямо вытекала у пуритан из их религиозного чувства. Но, по самой сущности пуританства, религия не могла привести их к тому, к чему приводил своих последователей католицизм. Не преклонение пред личным авторитетом и не унижение прав разума, а свободное братство всех членов общества и широкий простор для развития знаний были провозглашены первыми поселенцами Новой Англии. В американском кодексе 1650 года^{19} находится, между прочим, такой закон: «Так как сатана, враг человеческого рода, находит для себя самое могущественное оружие в людском невежестве; так как нужно, чтобы свет знаний, принесенный сюда нашими отцами, не исчез с ними в гробах их; так как воспитание детей составляет один из первых интересов государства, – то жителям каждой общины предписывается заводить и содержать у себя школы, под опасением большого штрафа». Таким образом, из правильно развитого религиозного чувства возникло требование всеобщее-

го народного образования; из того же чувства у пуритан произошло стремление к гражданской свободе. Вот как объясняли они свои понятия об этом предмете: {20}

Не станем обманывать себя насчет того, что мы должны разуместь под нашей независимостью. Есть один род свободы неразумной, общей человеку с животными и состоящей в том, чтобы делать все что вздумается; такая свобода – враг всякой власти; она не терпит никаких правил, никаких законов; ею мы унижаем себя; она – враг истины и мира, сам бог противится ей. Но есть другая свобода, гражданская и нравственная, которая находит свою силу в единении и которую всякая власть должна поддерживать. Это – свобода безбоязненно делать все, что хорошо и справедливо. Эту святую свободу мы должны защищать при всяком случае и, если нужно, жертвовать для нее своею жизнью.

Ясно, что в этом определении свободы уничтожается слепой, неразумный произвол и признаются права разумного убеждения. Че-

человек должен делать не все, что вздумается, а только то, что хорошо и справедливо. Этим требованием предоставляется человеку широкая свобода в рассуждениях о том, что справедливо и что ложно, что хорошо и что дурно, а через это прямо уже уничтожается слепое подчинение чужому авторитету и узаконяется самостоятельность личности. При соединении отдельных личностей в общество из этого же начала должны возникнуть – понятие о братстве и о равных правах всех его членов. Так именно и случилось с обществами, образовавшимися в Северной Америке: полная демократическая свобода составляет основание всех их учреждений.

Впрочем, развитию демократии в Новой Англии способствовал не один пуританский образ воззрения первых поселенцев. Внешние обстоятельства немало помогли этому. Во-первых, между людьми, прибывшими на берега Северной Америки, не было никаких притязаний на превосходство одних перед другими. Если в своем отечестве они и принадлежали к различным состояниям общества, то общие несчастья давно уже сравняли

их. Ступивши на новую почву, они все очень хорошо сознавали, что здесь права всех совершенно одинаковы и что все родовые привилегии, все различия общественной иерархии, оставшиеся по ту сторону океана, не могут иметь здесь ни малейшего смысла. Кроме того – в Америке нечем было питаться и поддерживаться аристократическим тенденциям. Известно, что основанием аристократии всегда была поземельная собственность, наследственно переходящая из рода в род. На ней всегда покоилось высокое значение аристократов, на ней опирались их права, без нее ничего не могли значить их громкие титулы и почетные звания. В Америке земля не была ни в чьем исключительном владении. По понятиям пуританских поселенцев, это было достояние божие, которым равно может пользоваться всякий человек. И действительно – всякий поселенец брал себе из огромных просторств девственной земли, расстилавшихся перед ним, – столько, сколько мог обработать. Сначала даже обработка земель, как в Новой Англии, так и в Виргинии, производилась поселенцами сообща. Откуда же тут было взять-

ся поземельной аристократии? Правда, являлись и в Америку люди, гордые своим феодальным значением, захватывали на свою долю большие участки земли, в этом никто им не препятствовал. Но здесь они не могли дожидаться, чтобы кто-нибудь явился к ним – поселиться на их земле, с вассальными обязательствами. Большие участки не имели никакого значения ввиду безграничных пространств, которые были открыты для всякого нового поселенца. Таким образом, поземельная аристократия с первого раза не удалась в Северной Америке: она не пришлась ни к почве страны, ни к нравам и убеждениям первых ее поселенцев.

В Виргинии очень скоро введено было невольничество, которое потом проникло и в другие штаты. Но и это учреждение не дало достаточной опоры для образования аристократии. С одной стороны, право владеть невольниками не было ограничено только известными лицами, а принадлежало одинаково всем гражданам; с другой – невольники не признавались членами общества, а считались чем-то совершенно особенным, суще-

ствами низшей породы. Таким образом, владение рабами не придавало никакого значения человеку в кругу его сограждан, и введение рабства нисколько не мешало демократическому развитию страны. Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладельцем не значит еще быть аристократом.

Может быть, демократические стремления первых поселенцев Новой Англии и уступили бы наплыву новых эмигрантов, между которыми стали появляться и люди с аристократическими замашками, с значением и богатством. Но в первое время таких людей было немного; большею частью убежали сюда те, которые не хотели выносить в Европе политических и религиозных преследований. А между тем поселенцы успели уже составить гражданские общества и начать самобытную политическую жизнь. Тогда уже поздно было старым европейским началам вторгаться в американское общество, тем более что политическое развитие Северной Америки пошло путем, совершенно противоположным европейскому. В Европе формальное образование государств совершилось раньше, нежели

успело развиться в народах политическое сознание. Отдельные общины никогда не составляли здесь самобытного политического целого; начала государственной жизни развились прежде всего не в них, а в высших условиях, чуждых народной жизни. Это обстоятельство имело влияние на все последующее развитие европейских государств. Здесь все устанавливалось в видах государства: законодательство соотносилось с высшими политическими интересами, администрация отдельных частей выкраивалась по образцу целого, а между тем участие в государственной жизни очень редко выпадало на долю народа. В Америке вышло совсем другое: влияние государства, то есть метрополии, не могло быть велико, а в некоторых колониях, и именно в Новой Англии, оно ограничивалось только пустою формою подданства. Английское правительство предоставило эмигрантам право составить в Новой Англии гражданское общество и управляться самим собою, только под покровительством Англии. Таким образом, с самого начала своего существования американские общины получили свое самостоя-

тельное политическое устройство. Извне стояло над ними английское королевское правительство, но внутри они развивались совершенно свободно и составляли для себя учреждения в демократическом духе. Из соединения *общин* образовалось *графство*, по духу своих учреждений совершенно подобное общине; несколько графств составили *штат*, и, наконец, Соединенные Штаты, избавившись от английской зависимости, образовали Североамериканский Союз. Таким образом, здесь не было организации отдельных частей под влиянием государства, а, напротив, государство составилось из постепенного соединения маленьких частей. Отсюда произошла та особенность Североамериканских Штатов, что в них нет ни малейшей централизации административной и каждая община в своих домашних делах совершенно свободна от всякого вмешательства властей графства и штата. При таком отношении частей государства друг к другу легко объясняется демократическая полноправность народа, развившаяся в Северной Америке. Городские и сельские общины до сих пор стоят на первом плане в по-

литическом устройстве Соединенных Штатов. В них совершается самая деятельная работа жизни, в них рождаются важнейшие внутренние вопросы, составляющие потом предмет рассуждений конгресса. К сожалению, в книге г. Лакиера мы ничего не нашли о значении и устройстве отдельных общин в Северной Америке. А между тем это предмет весьма важный и любопытный, так как из него объясняется вся союзная конституция. Да и вообще организация высших государственных учреждений далеко не представляет той важности, как устройство учреждений, непосредственно соприкасающихся с народом. В политической жизни народа учреждения, прямо относящиеся к устройству отдельных общин, имеют то же значение, какое элементарные школы имеют для народного образования. Не в устройстве университетов и академий можно узнать степень просвещения народных масс; так точно не в конгрессе и не в министерствах познается степень благосостояния народа. Самое лучшее и даже единственно надежное ручательство в этом случае представляют низшие учреждения,

прямо касающиеся частных лиц и небольших общин. На этом основании мы намерены в настоящей статье представить несколько подробностей о внутреннем устройстве общин в Соединенных Штатах, с тем чтобы потом уже вкратце изложить учреждения, относящиеся к устройству отдельных штатов и целого Союза. Чтобы дать понятие об устройстве общин в штатах, мы берем из книги Токвиля описание общин Новой Англии.

Община Новой Англии, как городская, так и сельская, обыкновенно состоит из 2000–3000 жителей. Такое количество вполне обеспечивает возможность хорошей и довольно однообразной администрации. Потребности небольшого числа людей, живущих в одном месте и при одинаковых условиях, нетрудно согласить; гражданам весьма удобно совещаться между собою о своих делах, и из числа их всегда могут найтись люди, способные успешно вести общее дело, какое будет им поручено их согражданами. Таким образом, в общине Новой Англии вполне может проявляться господство народа, составляющее основу всего государственного устройства Со-

единенных Штатов. И действительно, в штатах Новой Англии даже представительное начало допускается только в общих делах, касающихся целого штата, в общинах же все дела, требующие общего суждения, разрешаются в общем собрании всех граждан-избирателей; только в очень больших общинах и при соединении в одном месте нескольких общин, например в значительных городах, существует мэр и при нем городской совет.

Общинная администрация находится главным образом в руках нескольких чиновников, избранных всеми обитателями общины и называемых *выборными* (select-men). Они избираются каждый год, в маленьких общинах по три, а в самых больших по девяти. Они имеют определенный круг обязанностей, ясно указанных законом, и при исполнении положительного закона действуют совершенно независимо, не спрашиваясь никаких разрешений общины. Но если дело сколько-нибудь сомнительно, если является надобность в изменении положенных правил, в каком-нибудь нововведении, – тут уже выборные являются покорными служителями народной во-

ли. В их власти только – созвать общее собрание граждан-избирателей и предложить дело на их суждение. Положим, например, что в городе нужно открыть школу; выборные тотчас собирают граждан и пред собранием их излагают, какая надобность предстоит в учреждении новой школы, указывают на средства для осуществления этого предприятия, рассчитывают издержки, какие община должна понести по этому случаю, сообщают свои предположения относительно размеров новой школы, места для нее и пр. Общее собрание выслушивает их, признает или не признает справедливость их соображений и, в случае согласия с их главной мыслью, то есть что школа нужна, тут же рассматривает подробности дела, определяет расходы и назначает налог, который должен падать на всех членов общины, для устройства и содержания школы. Затем – выборным остается только исполнять волю общего собрания.

Конечно, выборные могли бы и злоупотреблять своим правом, если бы общее собрание граждан не могло состояться без их вызова. Но дело в том, что и право собирать

граждан для суждения о делах не принадлежит им исключительно. Общинное собрание может составиться без всякого желания выборных, просто по требованию десяти граждан; они могут предъявить свое желание выборным, которые не имеют права отказать им. Таким образом, управление делами общины никогда не выходит из-под контроля народа и очень прочно ограждено от всякого произвола выборных чиновников.

Кроме этих выборных, на которых лежит забота об общем ходе администрации, в каждой общине Новой Англии есть еще до двадцати чиновников, которым поручаются некоторые частные отрасли общинного управления: так, назначаются особенные лица для раскладки податей, для сбора их, для хранения общинной казны, для полицейского наблюдения за порядком, для записывания совещаний и решений, состоявшихся в общем собрании, и т. д. Чиновники эти избираются каждый год в общем собрании граждан; всякий гражданин может быть избираем, и ни один не может отказать от принятия должности, в которую избран. Впрочем, отка-

зываться и не для чего: общественное служение вознаграждается довольно хорошо, и члены общества, без всякого ущерба для своих материальных выгод, могут посвящать ему свой труд и время. Здесь нужно заметить еще одну особенность американского общественного устройства: большая часть американских чиновников не получает определенного жалованья, но каждое дело, совершаемое ими, дает им известную плату, так что каждый получает большее или меньшее содержание, по мере того, сколько он трудится на общую пользу.

В числе должностей, существующих в общинах, есть несколько таких, которые могут довольно странно поразить человека, привыкшего смотреть на администрацию по-европейски. В общинах Новой Англии назначается, например, особый чиновник, который должен смотреть за исполнением законов относительно бедных; есть особые лица, которым поручается наблюдение за весами и мерами, за сбором хлеба с полей, за действиями всех граждан в случае пожара и т. п. Нам это может показаться стеснением, противным ду-

ху демократической свободы, которым отличаются все общинные учреждения Северной Америки, но американцами все дело администрации понимается совершенно не так, как нами. Они видят в ней простое разделение труда между членами общины, и лицо, выбранное общиной для одного известного рода дел, чрез это вовсе не приобретает себе того оттенка власти, какой мы придаем обыкновенно всякому административному лицу. В американских общинах нет, например, особой пожарной команды, но в случае пожара все граждане должны содействовать погашению огня. Нужно, чтобы при этом кто-нибудь распоряжался их действиями, но американец не хочет в этом случае подчинить себя воле тех чиновников, на которых возложена общая администрация; он хочет, чтобы власть и труд как можно больше были разделены между членами общины, и выбирает для пожарных случаев особого человека, который при пожаре и распоряжается, но зато во всем остальном не имеет уже ровно никакой власти. Таким образом, распределение частных должностей между значительным числом

лиц сказывается совершенно согласным с демократическим характером страны.

Вообще между членами общины Новой Англии соблюдается совершенное равенство прав. Те, которые управляют, и те, которые им подчиняются, не чувствуют ни малейшего стеснения друг перед другом. Одни очень хорошо понимают, что самая власть их есть только особенный вид служения обществу и может продолжаться только под тем условием, если они будут ею пользоваться добросовестно. Другие повинуются власти, но не потому, чтобы признавали ее превосходство над собою, а только потому, что находят свою собственную пользу в этом разделении общественной службы. Получая в свои руки какую-нибудь власть, чиновник американской общины знает, что он обязан ею избранию своих сограждан, и потому не может решиться смотреть на них свысока, тем более что постоянно чувствует свою зависимость от них во все время отправления своей должности. В свою очередь, граждане, избирающие чиновника для известного рода дел, тем самым свидетельствуют о своей доверии к его способно-

стям и честности. Вследствие того общинная администрация никого не обременяет и не стесняет; административные лица не составляют особого, привилегированного сословия, и, как отзываются путешественники по Америке, со стороны даже не видно, кем и как управляется эта страна.

Но каким же образом сохраняется единство Союза? Какие обеспечения существуют для того, чтобы каждая община, каждый город исполняли общие законы союзной конституции и не производили беспорядков в управлении? Эти вопросы разрешаются учреждением судов в Северной Америке. Почти все административные затруднения решаются там путем судебным, и оттого судьи имеют весьма важное значение даже в политическом смысле. Устройство и деятельность судебной части в штатах Северной Америки имеет следующий вид.

По назначению губернатора штата, а в некоторых штатах по народному избранию, определяется известное количество судей; из числа их трое составляют судебную палату — court of assizes. Судьи эти обязаны ездить по

общинам и производить суд и расправу при помощи присяжных и адвокатов. Дело судьи состоит, собственно, в том, чтобы применить к частному случаю закон, существующий в конституции Союза. Суждение же о самом факте предоставляется присяжным, которых выбирает сама община. Оттого при назначении судей смотрят всего более на то, чтобы это были люди юридически образованные, не только знающие букву закона, но умеющие понимать дух законодательства и отношение частных законов к общим правилам конституции. Судья может даже постановить решение, основанное не на частном законе, а на общих требованиях конституции; он имеет право объявить, что такое-то постановление признает противным конституции и не руководствуется им при решении дела. Бывают даже такие случаи: сенат или собрание народных представителей сделает постановление; народ найдет его несогласным с конституцией; в таком случае судье представляется жалоба на этот закон. Судья разбирает дело и если признает жалобу справедливой, то закон теряет обязательную силу и мало-помалу вы-

ходит из употребления. Отсюда видно, что значение судьи очень велико и что от него требуется высокая степень добросовестности, юридического образования и независимости. Именно этого и стараются достигнуть в Америке назначением в судьи не просто хороших людей, любимых народом, но юристов, людей опытных, большею частью составивших себе предварительную известность адвокатурою. В некоторых штатах и судейские должности замещаются по избранию; но в других назначение судей предоставляется губернатору штата и его совету. Злоупотреблениям, вредным для демократии, трудно вкрасься и при этом способе назначения, потому что – во-первых, губернатор и совет его избираются самим же народом, во-вторых, губернатор не может по произволу сменить назначенного им судью: должность судьи отправляется одним лицом много лет, а губернаторы выбираются ежегодно. С другой стороны – и от народа судья находится довольно в независимом положении, потому что он обеспечен очень значительным жалованьем: в Массачусетсе судьи получают жалованья более 5000 руб.

сер.

На рассмотрение судей представляются обыкновенно и все уклонения от общих законов Союза, совершаемые чиновниками общины или кем бы то ни было из ее членов. Случаи таких уклонений не часты, потому что, как уже сказано, государство не вмешивается в частные дела общины и предоставляет ей полную свободу устроиться, как ей кажется лучшим. Но есть общие требования, которые должна исполнить каждая община. Требования эти раз навсегда постановляются законом, и за исполнением их никто не смотрит, кроме самих членов общины и судей. *Графство*, состоящее из соединения общин, не представляет никакой важности в административном смысле, а имеет именно судебное значение. В каждом графстве есть судебная палата, шериф, как исполнитель приговоров суда, и тюрьма для содержания преступников. Из административных дел – в графстве составляется только проект бюджета, который потом рассматривается в законодательном собрании целого штата, и затем соответственно с ним распределяются подати на общины.

Кроме того – забота об устройстве и содержании дорог также относится к обязанности court of assizes в графстве. Община получает обыкновенно только назначение того, сколько заплатить и что сделать должна она вообще. Распределение повинностей между частными лицами, видоизменения в форме исполнения закона предоставляются совершенно на ее волю. Община непременно должна, например, содержать школу; иначе она подвергается большому штрафу «за поддержание невежества и безнравственности». Но как устроить школу, откуда взять на нее денег, как распределить в ней занятия и пр. – это уже община определяет сама. Только ежели, по скупости членов, общины, школа будет устроена дурно или ежели кто-нибудь из людей, которым поручено будет наблюдение за ней, станет небрежно исполнять свою обязанность, то каждый отец семейства может обвинить эти лица и даже делую общину перед court of assizes. Тогда дело рассматривается судебным порядком, и если жалоба оказывается справедливою, община присуждается к штрафу. Та же самая история повторяется во всех

отраслях убавления. Инстанций нет никаких, низший чиновник не получит от высшего никаких предписаний, подтверждений, запросов и т. п.; но он всегда может быть позван к суду за неисполнение своей обязанности. Есть, например особый чиновник для смотрения за устройством дорог; ему передаются от сборщика податей деньги, собранные на этот предмет. Если дорога не в порядке, то всякий, у кого сломалось колесо в какой-нибудь яме или вообще случилось что-нибудь неприятное от дурной дороги, имеет право позвать к суду чиновника, наблюдающего за путями сообщения. Чиновник знает это и поэтому сам заботится, чтобы получить в свои руки нужные для расходов деньги. Если община не дает денег, он имеет право сам требовать их, нарушая обычный порядок; в противном случае дело опять решается судом.

Можно бы опасаться, что подобное право вмешательства в общественные дела, предоставленное всякому гражданину, поведет к непрерывным кляузам и всякого рода беспорядкам. В Америке это могло бы произойти том скорее, что во многих случаях доноситель

на противозаконные поступки пользуется частью штрафа, который взыскивается с обвиненного. Но устройство судов – словесных, с адвокатами, присяжными и с полнейшею публичностью – не слишком благоприятствует развитию кляузничества. Да притом же есть и еще обстоятельство, удерживающее американцев в пределах благоразумия и справедливости, – распространение начал образования в целом народе. Всякого рода вздорные и несправедливые притязания являются в обществах неразвитых, не имеющих правильных понятий о предметах; с развитием образования взаимные отношения определяются легче, разумнее и дружелюбнее. Это очень хорошо поняли в Америке, и потому-то там каждая община непременно обязана содержать школы для первоначального обучения. Образование детей совершается на счет государства, и в каждой общине есть свой школьный капитал. Все граждане должны жертвовать на школы часть своих доходов, потому что все пользуются плодами общего образования: если у кого и нет своих детей, то всё же школы для него полезны, потому что

только при образованности граждан возможно в обществе поддержание порядка и благоденствия. Оттого человек, вовсе не бывший в школе, не принимается даже на фабрику; оттого для распространения грамотности в народе ничего не жалеют в Америке, и всякая небрежность в этом отношении строго преследуется. Кроме денежной подати, в пользу школ выделяется всегда, при заведении общины, одна тридцать шестая доля общинных земель; земля эта продается, и деньги, вырученные за нее, составляют школьный капитал, находящийся в распоряжении штата. В книге г. Лакиера приведены цифры из отчета за 1857 год провинции Массачусетс. Из них видно, что в пользу школ собирается в год более 2300 000 долларов (до 3 000 000 руб. сер.), а школьный капитал простирается до 1625 000 долларов; проценты с него, до 50 000 долларов, распределяются между школами отдельных городов. Но право на получение этого вспоможения имеет только та община, которая сама собирает не менее 1 1/2 доллара на каждого ребенка от 5 до 15 лет. В отношении к управлению – и здесь находим совершенное

отсутствие всякой централизации. Каждая община управляет своими школами по собственному усмотрению; даже если община, особенно городская, очень велика, то она разделяется на округа и участки (приходы). Так, в Бостоне, по свидетельству г. Лакиера, «для большего удобства город разделен на округа, и в каждом сами граждане избирают членов в училищный комитет, числом шесть, и притом так, что двое из них, по исполнении своей обязанности в течение трех лет, выбывают и заменяются другими, буде на них снова не падет выбор. Эти шесть членов училищного комитета образуют для школ своего участка особый комитет (district committee) и затем для местного заведывания отдельными школами подразделяют между собою училища по своему усмотрению; так что в важнейших только и определенных случаях дела из местных комитетов доходят до участкового, и еще реже до общего городского». Нужно, впрочем, заметить, что не во всех штатах устройство школьного управления таково, как в Бостоне; в штате Нью-Йорке, например, существует нечто вроде наших учебных округов и мест-

ные школы подлежат начальственному наблюдению чиновников штата.

Общая тенденция образования в Северной Америке – приготовление детей к гражданской деятельности, ожидающей их за пределами школы. Оттого элементарные школы считаются необходимыми для всех; затем важнейшими считаются средние школы общего образования, в которых на первом плане стоят математика, новая география, история Соединенных Штатов и их конституция. Затем – знания классические, богословские, философские и пр. предоставляются каждому *ad libitum*, [2] и охотников на них является сравнительно не слишком много. «Но об этом американец и не сокрушается, – как замечает г. Лакиер, – он хлопочет о гражданах, образованных в такой мере, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли, – а ученые для него роскошь...»

Вообще в образовании детей и в устройстве школ в Америке выражается то же направление, какое и во всем другом отличает эту страну: делать как можно больше для народа и как можно менее потворствовать ари-

стократическим тенденциям. В этом отношении любопытна для нас наметка г. Лакиера, сопоставляющая воспитание американское с английским. «В Англии, – говорит он, – безграмотный вовсе не редкость, тогда как высший класе едва ли где-нибудь может сравняться в классическом образовании с английскою аристократиею. Но и до сих пор там воспитание сохраняло средневековой, монастырский характер, который оно имело в Англии целые столетия. Изучение древних языков, греческого и латинского, занимает большую часть времени в английских, особенно высших, школах и вытесняет языки живые и науки более практические. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитания; свет наук должен был по возможности просветить каждого по мере его способностей и стремления к образованию. Тем менее может быть речь о разделении воспитанников разных каст – не только по заведениям, но в одном и том же заведении по комнатам, костюмам и столам, как это делается в Англии».

Таковые общие черты устройства и поло-

жения отдельных общин в Северной Америке. Между ними и штатом составляют посредствующее звено графства, которые, впрочем, не имеют почти никакого значения. Правительство штата заключается в *сенате* и в *палате представителей*. Оба учреждения очень сходны между собою и вовсе не находятся в тех отношениях, как две палаты в Англии. Вся разница между ними состоит в том, что сенат, кроме законодательной деятельности, иногда имеет еще административную и судебную, а палата представителей занимается исключительно законодательством, в судебную же часть пускается – только обвиняя пред сенатом чиновников, не исполняющих своей обязанности. Кроме того, есть еще разница – в том, что в сенате членов меньше и они избираются на более продолжительное время, чем в палате представителей... Существенный же смысл учреждения двух палат вместо одной заключается в желании разделить законодательную власть между двумя политическими учреждениями и чрез то доставить более ручательств беспристрастию и обдуманности законов.

Исполнительную власть в штате представляет губернатор, избираемый на один год. Он имеет право остановить решение сената, и в таком случае дело переходит на рассмотрение конгресса. Но сам собою губернатор не может ни издавать законов, ни вмешиваться в администрацию страны. Он может только излагать пред законодательным собранием нужды штата и указывать на средства, какие, по его мнению, полезно употребить. Затем на его обязанности остается только исполнение определений сената и палаты представителей. На всякий случай у него в руках и военная власть.

Федеральный конгресс Союза представляет то же, что правительство каждого штата. В нем тоже находим сенат и палату представителей; исполнительная власть в руках президента, который, следовательно, то же самое значит в целом Союзе, что губернатор в каждом отдельном штате. Существование двух палат в Союзе имеет историческое основание. При первом предположении о конгрессе возникли две партии: одна хотела, чтобы Союз был просто международным конгрессом, в ко-

тором было бы по равному числу представителей из каждого штата; другая, напротив, желала более тесного, национального соединения, для которого нужно было, чтобы представители являлись в конгресс не по штатам, а по числу жителей. Примирить оба требования было трудно, и потому решили принять их оба. Для сохранения принципа совершенной независимости и равенства штатов учрежден сенат, в который присылается по два представителя из каждого штата; они обыкновенно назначаются на шесть лет, из числа сенаторов штата. Но чтобы население штата не оставалось без влияния на его представительство в Союзе, в палату представителей является от каждого штата различное число депутатов, сообразно с количеством его населения. Таким образом, штат Нью-Йорк, например, присылает на конгресс 40 депутатов, а Делавар – только одного. Число народных представителей ныне 233, так что, по расчету населения Соединенных Штатов, приходится по одному депутату на 93 000 граждан.

Обсуждению союзного конгресса подлежат: дела иностранной политики, содержа-

ние войска и флота, займы, необходимые для общих интересов Союза, принятие в Союз новых штатов, законы о подданстве иностранцев, о банкротстве, о монете и пр. Кроме законодательной власти, союзный конгресс имеет и судебную во всех делах, выходящих из круга власти одного штата, – например, в спорах между двумя штатами, между гражданами какого-нибудь штата и иностранцами, и т. п. Но вообще говоря – конгресс нисколько не стесняет внутренней жизни штата, и потому Североамериканский Союз не только не близится к распадению, как сначала ожидали некоторые, а все более укрепляется. Число штатов все возрастает, и теперь их уже 35, вместо первоначальных 13. Необходимые условия для принятия нового штата в Союз составляют: признание им союзной конституции и население не менее 93 000 человек, потому что иначе он не мог бы посылать от себя депутата на конгресс.

Президент Союза – совершенно то же, что губернатор в отдельном штате. Он представляет конгрессу о нуждах страны, указывает, что и как можно сделать, рассматривает по-

становления конгресса и может остановить их своим противоречием. В этом случае постановление опять переходит на рассмотрение обеих палат, и тут уже требуется, чтобы две трети голосов не согласились с президентом: только тогда первоначальное постановление может остаться в своей силе. В отношении к внешней политике президент может, с согласия конгресса, вести переговоры и заключать трактаты с иностранными державами; он же имеет начальство над союзной армией в случае войны. За службу свою он получает 25 000 долларов в год.

Как ни поверхностен этот общий очерк учреждений Соединенных Штатов (назначенный для тех только, кто о них ровно ничего не знает), но и из него можно видеть, что основанием всего их устройства служит народная воля и что если в этой стране и есть некоторые признаки *правительственной* централизации, то в *административном* отношении господствует децентрализация самая полная. Хорошо это или дурно, нельзя судить по одной теории, не зная жизненных фактов, в которых выражается влияние политиче-

ских учреждений страны. Поэтому мы намерены в другой статье коснуться некоторых черт *быта и нравов* Северной Америки. Вообще говоря, конечно, справедливее будет признать зависимость учреждений от нравов народа. Но в Америке основные положения ее государственного устройства определились очень рано и, раз сделавшись необходимой принадлежностью политического существования страны, не могли остаться без влияния на самый быт народа. Поэтому нам кажется, что для полной оценки американских учреждений не мешает проследить, как они отражаются в самой жизни американцев. Пользуясь наблюдениями нашего путешественника и других писателей, мы и постараемся сделать это в следующей статье.{21}

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 3, отд. III, с. 25–48, без подписи.

Русский историк, правовед, общественный деятель А. В. Лакиер в 1856–1858 гг. путешествовал по Западной Европе, Северной Америке и Палестине. Отрывки из своих путевых заметок он печатал в «Современнике» (см. ниже примеч. 9), «Отечественных записках» и «Русском вестнике». Рецензируемая Добролюбовым книга Лакиера не была первым русским описанием Америки, но, как отмечал рецензент «Отечественных записок» (1859, № 4), она стала первым описанием, основанным не на беглом взгляде туриста, а на стремлении изучить страну, и в частности, ее государственное устройство. Статья Добролюбова об этой книге переросла рамки рецензии. Дополненная материалом из других иностранных источников, она вошла в обсуждение «американского» вопроса в русской пуб-

лицистике.

Америка, «открытая» русской литературой еще в XVIII в., уже с начала следующего столетия стала предметом оживленных споров – в силу, очевидно, сложившегося параллелизма: как Североамериканские Соединенные Штаты, так и Россия представлялись государствами молодыми, только еще вступающими на тот путь, по которому буржуазная Европа уже прошла почти до своего предела. Опыт интенсивного буржуазно-демократического развития Америки находил в России больше противников (И. В. Киреевский, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, славянофилы), чем безусловных сторонников (напр., А. В. Дружинин). Особую позицию в этом вопросе заняли критики и публицисты «Современника» Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Несомненное влияние на формирование этой позиции оказала широко известная в Европе книга А. де Токвиля «Демократия в Америке» («Democratie en Amerique», первое издание – Париж, 1835–1840; в дальнейшем – множество переизданий). Автор ее в весьма энер-

гической форме утверждал: «Народ царствует в американском политическом мире, как Бог во вселенной» (цит. по кн.: Токвиль А. О демократии в Америке. М., 1897, с. 43). Несомненное сочувствие Чернышевского и Добролюбова вызывала также мысль Токвиля о том, что «общинная независимость составляет основное и жизненное начало американской свободы» (там же, с. 30). В соответствии с этим Чернышевский писал в конце 1857 г.: «Северные штаты из всех стран, в которых экономический быт высоко развит, ближе всего подходят к тому положению, для достижения которого служит общинное владение. Зато и беспримерно благосостояние их населения» (Чернышевский, IV, 468). Не случайно в своей статье Добролюбов использует именно те главы книги Токвиля, где речь идет об устройстве американских общин.

Книга Токвиля об американской демократии несла в себе значительную долю идеализации (так, игнорировался вопрос о рабстве негров, о притеснении индейцев, другие внутренние противоречия американского общества). В какой-то мере эта идеализация

проникла и в выступления Чернышевского, Добролюбова второй половины 50-х гг. Однако следует учитывать, что уже и книга Токвиля не была апологетической по отношению к конкретно-историческому социальному устройству Североамериканских Штатов. Сам Токвиль писал об этом достаточно откровенно: «Сознаюсь, что в Америке я видел больше, чем только Америку; я искал в ней образ самой демократии» (Токвиль А. О демократии в Америке, с. 10). В еще большей степени Чернышевский и Добролюбов вели разговор с русским читателем о возможностях американской демократии, нежели о ее реальностях (см. намеки в статье Добролюбова на положение негров, на экономический кризис и т. п.). Их интересовала не столько сама по себе Америка, сколько самодержавная Россия – на фоне демократической Америки. Статья Добролюбова – своеобразная социально-политическая утопия, выстроенная на материале, предложенном Токвилем, Лакиером и др.

Необходимо также иметь в виду, что настоящая статья Добролюбова – лишь первая часть задуманного им труда об Америке. Вто-

рая часть, обещанная автором, должна была проследить, как возможности демократического устройства реализуются в «самом быту народа». Замысел Добролюбова остался неосуществленным. Позиция же «Современника» по этому вопросу была впоследствии четко выражена Чернышевским в статье «Непочтительность к авторитетам», посвященной выходу в свет (1860 г.) первого русского перевода книги Токвиля. Сохраняя уважение к «основной тенденции», Чернышевский ставит теперь вопрос несколько иначе: «Книга Токвиля описывает Америку, почти столь же различную от нынешней, как Россия, описанная Котошихиным, различна от нынешней» (Чернышевский, VII, 706).

Сноски

1

Под именем Повой Англии разумеются штаты Коннектикут, Род-Эйлэнд, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Вермонт и Мэн. Здесь первоначально определились главнейшие идеи, послужившие основанием последующих учреждений Соединенных Штатов.

[^^^]

2

По желанию (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеются в виду англофильские статьи «Русского вестника», наполненные дифирамбами общественному устройству Англии, совмещавшему монархический и аристократический принципы с демократическим (см., напр.: Вызинский Г. Характер политической и административной реформы в Англии. – *PВ*, 1858, апрель, кн. 2).

[^^^]

Книги немецкого писателя и путешественника по Америке Ф. Герштекера в большом количестве переводились в России (и иногда выдавались за произведения Купера). Некоторые его очерки печатались в «Современнике»: «Картины Миссисипи», «Светлые и темные стороны американской жизни» (1848, № 11; 1849, № 1–3, 6); «Охотничьи похождения в Соединенных Североамериканских штатах» (1849, № 7–10).

[^^^]

3

Имеются в виду романы Бичер-Стоу «Дред» (русский перевод вышел в 1857 г. приложением к «Современнику» под названием «Жизнь Южных штатов») и «Хижина дяди Тома» (два русских перевода вышли в качестве приложений к «Русскому вестнику» в 1857 г. и «Современнику» в 1858 г.). Оба романа изображали ужасы рабовладения в Америке.

[^^^]

4

Одним из первых развивал идею о сходстве Североамериканских Штатов с Россией П. П. Свиньин в своей книге «Опыт живописного путешествия по Северной Америке» (СПб., 1815). В «Обзрении русской словесности 1829 года» И. В. Киреевский выразил мысль, неоднократно возникавшую затем в русской публицистике: «Изо всего просвещенного человечества два народа не участвуют во всеобщем усыплении, два народа, молодые, свежие,

цветут надеждою: это Соединенные Штаты и наше отечество» (Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984, с. 61). Много откликов вызвало сопоставление России с Америкой в указанном выше сочинении Токвиля (см.: Токвиль А. О демократии в Америке, с. 340). С иной точки зрения – о сходстве Соединенных Штатов с Россией в общинном землевладении – писал Н. Г. Чернышевский в заключении статьи «О поземельной собственности» (*Совр.*, 1857, № 9, 1).

[^^^]

5

Точка зрения защитников «официальной народности» (С. П. Шевырев, М. П. Погодин). Об их «ненависти к Америке» Добролюбов писал в рецензии на сборник «Утро» (в наст. т.).

[^^^]

6

Об этом писал, в частности, В. Г. Белинский в статье «Ничто о ничем...» (1836): «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие... но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю этим благоденствием...» (Белинский, II, 47).

[^^^]

7

Об этом, в частности, писал в своей книге А. Б. Лакиер.

[^^^]

8

Подобную точку зрения, высказанную в статье С. П. Колошина «По поводу американской женщины», Добролюбов высмеял в рецензии на сборник «Утро» (в наст. т.).

[^^^]

9

«Конгресс в Вашингтоне в 1857 году» (№ 4) и
«Очерк Нью-Йорка в 1857 году» (№ 9, 10).

[^^^]

10

О книге Токвиля см. в преамбуле. Сочинение
Ю. Фребеля (Frebel) вышло в Лейпциге в
1857–1858 гг.: *Aus America. Erfahrungen, Reisen
und Studien* (Из Америки. Опыты, путеше-
ствия и исследования).

[^^^]

11

Имеются в виду книги: Еума Xavier. La Republique americaine. Paris, 1853 (Американская республика); Comettante Oscar. Trois ans aux Etats-Unis. Paris, 1857 (Три года в Соединенных Штатах).

[^^^]

12

Добролюбов имеет в виду «Краткую всеобщую географию» или учебник «Всеобщая география» А. Г. Ободовского (обе книги выдержали множество изданий).

[^^^]

13

Имеется в виду мировой экономической кризис 1857 г., вызвавший в Америке резкое обострение классовой борьбы, подъем рабочего движения.

[^^^]

14

С 1854 г. велась борьба за штат Канзас между сторонниками рабовладения и аболиционистами. В 1856 г. полемика по этому вопросу в американской печати достигла апогея. В то же время развернулась настоящая война в Канзасе, ставшая прологом к Гражданской войне 1861–1865 гг.

[^^^]

Имеется в виду полемика в Англии о предстоящей парламентской реформе. В качестве возможного варианта обсуждалось и демократическое устройство Североамериканских Соединенных Штатов. «Русский вестник» в политических обзорах подробно информировал своих читателей о ходе этой полемики (см., напр.: *РВ*, 1858, сентябрь, кн. 2, Современная летопись, с. 168; октябрь, кн. 2, Современная летопись, с. 362–363).

[^^^]

16

Пуритане (от англ. pure – чистый, истинный) – сторонники идей Реформации в Англии. Требовали отделения церкви от государства, упразднения церковной иерархии и упрощения обрядов. В этих требованиях нашли отражение взгляды нарождающейся буржуазии.

[^^^]

17

Речь идет о так называемом «Соглашении на «Мейфлаузере» (название корабля, на котором поселенцы прибыли из Англии). В нем были выражены идеи сепаратистов, этой «крестьянско-плебейской» разновидности пуритан. Ими и было основано поселение, названное Новой Англией.

[^^^]

18

Имеется в виду книга евангелического пастора Коттона Мэзера (Cotton Mather) «Magnalia Christi Americana», 1702 («Великие деяния Христа в Америке»). Добролюбов цитирует это издание по книге Токвиля (ср.: Токвиль А. О демократии в Америке, с. 583–584).

[^^^]

19

Имеется в виду закон штата Коннектикут 1650 г. об обязательном обучении детей (впервые подобный закон был принят в 1647 г. в Массачусетсе). Добролюбов цитирует его по указанной выше книге Токвиля.

[^^^]

20

Добролюбов по той же книге (ср.: Токвиль А. О демократии в Америке, с. 32) цитирует речь на суде первого губернатора штата Массачусетс Джона Уинтропа (Winthrop), обвиненного в произволе и оправданного присяжными.

[^^^]

21

Статья не была написана (см. преамбулу).

[^^^]

[^^^]